РАЗВЕДКА И КОНТРРАЗВЕДКА

ВИТАЛИЙ ЧЕРНЯВСКИЙ

ОПЕРАЦИИ СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДКИ

ВЫМЫСЛЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Виталий Геннадьевич Чернявский

Операции советской разведки. Вымыслы и реальность

Серия «Разведка и контрразведка»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22181846
В. Чернявский. Операции советской разведки: вымыслы и реальность:
ООО «ТД Алгоритм»; Москва; 2017
ISBN 978-5-906880-49-9

Аннотация

«Удивительно, но в наши дни нередко можно встретить людей, которые считают, что советская разведка до конца войны располагала в Германии ценными агентами, имевшими доступ к важным секретам… Наоборот, теперь, как мы точно знаем, гитлеровской контрразведке с декабря 1941 года до осени 1943-го удалось ликвидировать разветвленную агентурную сеть московских разведцентров». Была ли советская разведка готова к тому, что Гитлер нападет на СССР? Кто и зачем придумал операцию «Длинный прыжок» (покушение на «большую тройку» – Сталина, Рузвельта и Черчилля во время их встречи в Тегеране в конце 1943 года)? Почему Сталин не верил донесениям Рихарда Зорге о том, что Германия нападет

на СССР? На эти и другие вопросы отвечает автор – ветеран советской внешней разведки.

Содержание

Глава 1. Сила и бессилие советской разведки 6
Как птица Феникс из пепла 8
Почему погибла «Красная капелла»? 41
Конец ознакомительного фрагмента. 61

Виталий Чернявский Операции советской разведки: вымыслы и реальность

© Чернявский В., 2016
© ООО «ТД Алгоритм», 2017

* * *

Глава 1. Сила и бессилие советской разведки

Не правда в силе, а сила в правде.
Валентин Катаев

Давно идет спор: была ли готова разведка Кремля к войне? Казалось бы, сейчас наступило то время, когда создаются условия, чтобы дать аргументированный, объективный, максимально правдивый ответ на этот вопрос. Исследователи уже получили некоторый доступ к архивам спецслужб, куда совсем недавно нельзя было и приблизиться. И компетентные власти уже, можно сказать, не зажимают рты авторам: любая версия имеет право на публикацию и каждый вправе откровенно, не лукавя, высказаться за нее или против. И тем не менее в наших средствах массовой информации редко встретишь непредвзятую, правдивую и трезвую оценку того, как обстояло дело с разведывательным обеспечением военных действий против фашистской Германии. Что мешает? Да, пожалуй, все то же, что и прежде.

Историю разведки у нас толкуют так же, как и историю нашего государства: одни переиначивают всё и вся с позиций твердокаменного марксизма-ленинизма, другие, используя радикальные и ультрарадикальные приемы и методы, бездумно чернят прошлое. Возможно, я несколько упрощаю

проблему, но в принципе это так и есть. И, отведав два испорченных блюда, неискушенные читатели, особенно молодые, получают превратное представление о советской разведслужбе и разведчиках. Как противоядие нужны взвешенные, правдивые материалы.

Как птица Феникс из пепла

О том, что Гитлер не только принял решение напасть на СССР, но и развяжет агрессию в ближайшее время, разведка Кремля, и политическая (внешняя), и военная, узнала задолго до 22 июня 1941 года. Ее стараниями по крайней мере за шесть месяцев до этой трагической даты были добыты планы Верховного командования вооруженных сил фашистской Германии со сроками вторжения, установлены главные направления агрессии, численность – до дивизии – войск, сосредоточенных на советской границе, точное количество боевой техники противника.

Вот почему нельзя ссылаться на внезапное нападение немцев и оправдывать этим наши катастрофические неудачи в начале войны. Нападение было вероломным, это да! Но внезапным, неожиданным – нет! Какая уж тут внезапность, если самое меньшее за полгода все воробьи на кремлевских крышах чирикали: Гитлер вот-вот начнет агрессию против Советского Союза. А наш закордонный агентурный аппарат засыпал Центр сотнями шифрованных радиограмм и десятками пересланных курьерской связью подробных докладов, скрупулезно, шаг за шагом освещая подготовку гитлеровского нападения.

Восстановленная поистине нечеловеческими усилиями после истребительной кровавой чистки 1937–1939 годов

(почти все руководящие кадры, начиная с заместителей начальников отделений, были репрессированы) советская система разведки, включавшая стратегические службы, политическую и военную, а также ближнюю Главного управления пограничных войск НКВД и прикордонных военных округов, к началу войны функционировала безотказно. И напрасно утверждают сейчас недоброжелательные исследователи, что важные сообщения, полученные из зарубежных резидентур и от приграничной агентуры, оседали в архивах и не докладывались «наверх». На самом деле руководители разведслужб исправно направляли их Сталину, Молотову, наркому обороны до нападения фашистского вермахта на СССР. Только внешняя разведка НКВД-НКГБ доложила руководству страны свыше ста важных документов о подготовке гитлеровской агрессии.

Из архивной справки

Военная разведка своевременно засекла передвижения германских войск в Европе, их концентрацию в Восточной Пруссии и Польше, переброску в Румынию, Венгрию и Финляндию. Еще в конце 1940 года Сталину, Молотову и Берии было доложено: численность немецких войск на востоке во много раз превосходит силы, необходимые, как утверждали в Берлине, «для охраны границ».

Через одиннадцать дней после подписания Гитлером 18 декабря 1940 года плана «Барбаросса» – директивы № 21 о

подготовке нападения на СССР – советский военный атташе в Берлине сообщил в Москву: «Гитлер отдал приказ готовить войну против Советского Союза. Военные действия начнутся в марте 1941 года». Вскоре наши военные разведчики получили подробное изложение этого плана. Его тоже доложили Сталину.

В ряде специальных сообщений НКГБ в марте, апреле и мае 1941 года руководству государства и КПСС, Наркомата обороны и Генштаба была доведена обобщенная информация о наращивании группировки немецких войск на границах с СССР, распределении сил вермахта по театрам и фронтам военных действий. Разведуправление Красной армии оценило, что на наших границах сосредоточена 191 дивизия противника, из них немецких – 146. Эти цифры, как выяснилось после войны, почти совпали с реальными данными – 190 и 153 соответственно.

Из архивной справки

В октябре 1940 года заместитель народного комиссара внутренних дел Иван Масленников, занимавшийся в то время пограничными войсками, послал две подробные докладные записки (№ 18/2623 и 18/2625) Сталину, Молотову, наркому обороны Семену Тимошенко и начальнику Генштаба Георгию Жукову с конкретными данными о сосредоточении на подступах к СССР пехотных и танковых дивизий, артиллерийских полков и других сил и средств противника.

В конце концов не выдержал и Берия. 12 июня 1941 года он направил Сталину и Молотову спецсообщение № 1996/Б с данными об усилении разведывательной деятельности немцев в приграничном районе: с 1 января по 10 июня погранвойсками задержано около двух тысяч нарушителей со стороны Германии, среди них разоблачено 183 немецких шпиона.

Отмечалась в записке и возросшая активность германской разведки с воздуха. С октября 1940 года по 10 июня 1941 года произошло 185 вторжений в воздушное пространство СССР, в том числе за последние десять дней – 91 нарушение.

Это только малая часть оперативно-тактических сведений, доведенных руководителям партии и правительства по линии пограничных войск.

Политическая (внешняя) разведка, находившаяся до февраля 1941 года в ведении НКВД, а затем вошедшая в подчинение нового ведомства – Наркомата государственной безопасности, получила еще более ценные данные.

Из архивной справки

Разведка НКГБ в спецсообщении № 106 от 02.04.1941 года:

«Планом нападения на Советский Союз по линии Главного штаба германских ВВС предусмотрено в первую очередь воздушными бомбардировками парализовать следующие железнодорожные магистрали:

1) Тула – Орел – Курск – Харьков;

2) Киев – Гомель;

3) южную линию, идущую через Ряжск;

4) южную линию через Елец.

Этим немцы хотят вывести из строя экономическую артерию направления Север – Юг и воспрепятствовать подвозу резервов с востока на запад…

Объектами бомбардировок в первую очередь являются электростанции, особенно Донецкого бассейна, моторостроительные и шарикоподшипниковые заводы и предприятия авиационной промышленности в Москве…

Акция против Советского Союза утверждена, нападение последует в скором времени».

Из сообщения берлинской резидентуры НКГБ от 30.04.1941 года:

«Источник Старшина (один из ценных агентов внешней разведки Харро Шульце-Бойзен. – *В. Ч.),* сотрудник Главного штаба германских ВВС, передал: по сведениям, полученным от Грегора, офицера связи между Министерством иностранных дел и Главным штабом, вопрос о выступлении Германии против Советского Союза решен окончательно и начало его следует ожидать со дня на день. Риббентроп (гитлеровский министр иностранных дел. – *В. Ч.),* который до сих пор не являлся сторонником войны против СССР, видя твердую решимость фюрера в этом вопросе, присоединился

к позиции сторонников нападения на Россию…

По сведениям, полученным от Лейббрандта, референта по русским делам внешнеполитического отдела НСДАП (нацистской партии. – *В. Ч.),* подтверждается сообщение Грегора о том, что выступление против Советского Союза считается решенным».

А вот что сообщал с другого конца нашей планеты токийский резидент Разведуправления Красной армии, выдающийся разведчик Рихард Зорге:

«15.06.1941 года (по радио). Война начнется в конце июня».

И в этот же день вторая радиограмма с уточнением:

«Нападение произойдет на широком фронте 22 июня».

Зорге направил в Центр десятки телеграмм такого рода. Все это не слухи, а данные, подтвержденные документами.

Заметки на полях

Шульце-Бойзен Харро (1909–1942). Оперативные псевдонимы – Кора, Старшина.

Родился в семье военного моряка. Его отец дослужился до капитана 1 ранга. Являлся внучатым племянником и крестником адмирала фон Тирпица, женат на родственнице князя Эйленбурга – Либертас Хас-Хейе. Учился на юридическом факультете Берлинского университета. Студентом увлекся социалистическими идеями, симпатизировал борьбе рабочего класса. В начале тридцатых годов начал издавать жур-

нал «Дер Гегнер» («Противник»), носивший антиправительственный характер. В 1933 году с приходом фашистов к власти журнал был закрыт, а сам издатель на короткое время арестован.

Выйдя на свободу, Х. Шульце-Бойзен, чтобы избавиться от дальнейших преследований гестапо, поступил в училище транспортной авиации. Блестяще закончив курс обучения, он был назначен в один из отделов министерства авиации, где дослужился до обер-лейтенанта.

В 1938 году Х. Шульце-Бойзен сообщил советскому полпредству в Берлине о тайных приготовлениях гитлеровцев к военным действиям в районе Барселоны, где республиканские войска держали оборону против мятежных сил генерала Франко. Используя свою службу в министерстве, Старшина информировал советскую разведку об увеличении числа шпионских полетов германской авиации над территорией СССР, о фашистских планах бомбардировки Ленинграда, Киева и Выборга, передал данные о численном и боевом составе германского военно-воздушного флота к началу войны против Советского Союза, о положении с горючим и концентрации боевых отравляющих веществ и ряд других важных сведений.

Перед началом Второй мировой войны Х. Шульце-Бойзен установил связь со старшим правительственным советником Арвидом Харнаком, работавшим в министерстве экономики, который с 1933 года руководил кружком противни-

ков Гитлера, принадлежавших к различным политическим направлениям и народным слоям. Вместе с видными функционерами Компартии Германии Ионом Зигом и Вильгельмом Гуддорфом он возглавил одну из крупных организаций Сопротивления в начале Второй мировой войны.

31 августа 1942 года Х. Шульце-Бойзен был арестован. Судебный процесс проходил с 15-го по 19 декабря 1942 года. Подсудимый сохранил стойкость до конца. Приговорен к смерти через повешение. Казнен в берлинской каторжной тюрьме Плётцензее.

Посмертно награжден орденом Красного Знамени (1969).

Зорге Рихард (1895–1944). Оперативные псевдонимы – Рамзай, Отто, Инсон. Герой Советского Союза.

Родился в Баку в семье немецкого техника, служившего на нефтяных промыслах. Вырос в Германии. Участник Первой мировой войны. В 1917–1919 годах – член Независимой социал-демократической партии, с 1919 года – член Компартии Германии. За политическую деятельность подвергался репрессиям со стороны властей. В 1925 году приехал в СССР. Годом позже вступил в ВКП(б).

С 1924 года – сотрудник Коминтерна, работал в советских учреждениях, написал несколько работ по проблемам международных отношений и международного коммунистического движения. Доктор экономических и политических наук.

В 1929 году зачислен в Разведывательное управление Красной армии. В тридцатых годах успешно действовал в Китае и Японии. Руководимая им токийская резидентура собирала важную политическую, экономическую и военную информацию, сведения об агрессивных планах германских фашистов и японских милитаристов перед Великой Отечественной войной и в ее начальный период. Он сумел приобрести важные источники в германском посольстве в Токио и в японском правительстве.

В октябре 1941 года Р. Зорге был арестован японской контрразведкой. Казнен 7 ноября 1944 года.

Посмертно удостоен звания Героя Советского Союза в ноябре 1964 года.

К лету 1941 года советские разведывательные структуры, принадлежавшие Наркоматам государственной безопасности, внутренних дел, обороны и военно-морского флота, восстановили свою деятельность, нарушенную в ходе репрессий 1937–1939 годов, сумели своевременно предупредить руководителей партии, государства и вооруженных сил о подготовке агрессии против СССР, сроках нападения, стратегических направлениях вторжения, развертывания войск противника, их численности, количестве боевой техники и вооружения.

Удалось воссоздать к этому сроку легальные резидентуры в главных пунктах, укрепить и расширить нелегальный аппарат, которые очень пострадали в результате сталинско-бери-

евской чистки. Теперь известно, что разведывательные органы очищались от «врагов народа» с большей жестокостью и палаческим рвением, нежели другие структуры государственного и партийного аппарата.

Потери личного состава разведслужб оказались столь велики, что наверх в 1938 году не поступило ни одного спецсообщения в течение 127 дней. Подумать только: около полугода глаза и уши советского государства были полностью парализованы!

Приведу еще два факта.

В январе 1939 года в берлинской резидентуре НКВД из 16 сотрудников оставалось только двое. Но в канун войны удалось воссоздать работоспособную агентурную сеть. Две трети всех сообщений политической разведки для руководства страны в 1940–1941 годах о военных приготовлениях Германии против СССР были составлены на основании сведений берлинской резидентуры.

Лондонскую точку НКВД в 1939 году фактически закрыли. В ней остался лишь один оперативный сотрудник. Восстанавливать ее деятельность пришлось, можно сказать, с нуля. Но к моменту гитлеровской агрессии против Советского Союза важная информация стала поступать в Центр и отсюда.

Вот так: сперва бездумно уничтожали собственную разведку, а потом, не считаясь ни с чем, одержимо восстанавливали до основания разрушенные структуры. Кто выдержал

бы такое? Чей народ? Какое государство? Никто, кроме нас.

Сейчас речь шла о так называемых легальных резидентурах, которые действовали под «крышей» советских дипломатических и иных зарубежных представительств.

Но с 1939 года наши разведслужбы приступили к укреплению старых и созданию новых нелегальных точек. В результате к началу гитлеровской агрессии в Германии и в ряде европейских государств были созданы агентурные организации, которые немедленно вступили в действие после 22 июня 1941 года. Возглавлявшиеся такими выдающимися разведчиками, как Леопольд Треппер (Отто) и Константин Ефремов (Паскаль) во Франции и Бельгии, Шандор Радо (Дора) в Швейцарии, Арвид Харнак (Корсиканец) и Харро Шульце-Бойзен (Старшина) в Германии, Рихард Зорге (Инсон) в Японии, они, эти нелегальные резидентуры, внесли большой вклад в отражение гитлеровского нашествия на начальном, архитрагическом для нас этапе Великой Отечественной войны. Благодаря невероятным усилиям асов разведслужбы Кремля важные информационные документы, которые докладывались руководителям партии и государства, отличались точностью, достоверностью, разносторонностью и глубиной содержания. К сожалению, контрразведка противника со второй половины 1941 года начала выводить эти точки из строя. Несмотря на все старания, советская агентурная сеть в глубоком немецком тылу смогла фактически продержаться лишь до осени 1943 года.

Заметки на полях

Треппер Леопольд (1904–1982). Оперативные псевдонимы – Леба Домб, Алам Миклер, Жан Жильбер, Лео, Отто, Большой Шеф.

Родился в Польше в семье лавочника. В 1924 году переселился в Палестину. С 1929 года член ЦК Компартии Палестины. В 1930 году был арестован полицией. С конца этого года – во Франции. В 1932 году переехал в Советский Союз. В 1934 году закончил Коммунистический университет национальных меньшинств Запада. С 1935 года вел рубрику по проблемам культуры в газете для евреев «Эмес».

С 1936 года на нелегальной работе во Франции и Бельгии. Осенью 1938 года стал резидентом Разведуправления Красной армии в Бельгии, а потом во Франции. Успешно руководил агентурной сетью, получившей в гестапо кодовое название «Красная капелла» (или «Красный оркестр»).

В ноябре 1942 года был арестован гестаповцами. В сентябре 1943 года бежал из-под стражи, скрывался в подполье до прихода во Францию союзнических войск. По возвращении в Советский Союз репрессирован. Освобожден в 1954 году. С 1957 года жил в Польше. В 1973 году эмигрировал в Израиль, затем переехал во Францию.

Ефремов Константин Лукич (1910 – дата и место гибели документально не установлены). Хотя имеется приговор фа-

шистского военного трибунала, что он должен быть расстрелян. Ходят слухи, что Ефремов остался жив и ему удалось перебраться в Латинскую Америку. Оперативные псевдонимы – Паскаль, Поль. Майор (по другим данным военинженер 2 ранга).

Окончил в 1937 году Военную академию химической защиты, после чего был зачислен в Разведуправление Красной армии. В 1939 году направлен в Бельгию в качестве резидента. Успешно руководил хорошо законспирированной сетью агентов в Бельгии и Голландии. В конце июля 1942 года арестован гестапо. В исключительно сложных обстоятельствах он сумел передать Л. Трепперу, что под пытками выдал свой шифр. По свидетельству английской контрразведки, использовать рацию Паскаля для радиоигры с московским Центром гестапо не удалось, так как он отказался от такой работы. Видимо, в отместку за это гестаповцы решили уничтожить советского резидента.

Радо Шандор (1899–1981). Оперативные псевдонимы – Альберт, Дора.

Родился в семье венгерского торговца. После окончания гимназии в 1917 году призван в армию. Окончил артиллерийское училище. Одновременно поступил на юридический факультет Будапештского университета. С декабря 1918 года – член компартии Венгрии. Служил политкомиссаром 6-й дивизии советской Венгрии. С 1919 года в эмиграции

в Австрии. Сотрудничал с венским журналом «Коммунизмус». В июне 1920 года организовал информационное агентство «Роста-Вин», передававшее информацию о Советской России, а затем – интернациональное телеграфное агентство «Интел», готовящее новости для московской печати. В 1921 году был делегатом конгресса Коминтерна в Москве. С середины 1922 года – в Германии. Студент Берлинского, а затем Лейпцигского университетов.

Сотрудник военного аппарата КПГ (компартии Германии. – *Прим. ред.).* В 1924–1925 годах – в Москве, работал картографом, продолжал служить в Коминтерне. В 1925 году вновь в Берлине, а с 1933 года во Франции, руководитель картографического агентства, одновременно сотрудник Коминтерна.

С 1935 года стал работать в Разведуправлении Красной армии. В 1936 года командирован в Швейцарию. Был сотрудником, а затем резидентом до провала этой точки в конце 1943 года, после чего находился в подполье во Франции.

После окончания войны был отозван в Москву. Репрессирован. В 1955 году освобожден из заключения. Реабилитирован. Выехал на жительство в Венгрию, где стал университетским профессором.

Харнак Арвид (1901–1942). Оперативные псевдонимы – Балтиец, Корсиканец.

Родился в Дармштадте (Германия). Отец – историк лите-

ратуры Отто Харнак. Дядя – известный теолог Адольф фон Харнак. В 1920–1923 годах изучал в Йене и Граце юридические науки; в 1924 году получил ученую степень доктора юриспруденции, затем поступил на работу в Архив мировой экономики и Институт международной политики Гамбургского университета. В 1925 году – студент Лондонской школы экономики. С 1926 года рокфеллеровский стипендиат в университетах Висконсина и Мэдисона (США), где изучал историю профсоюзного движения и политическую экономию. Два года спустя вернулся в Германию и продолжил обучение в Гиссеновском университете, где в 1931 году защитил диссертацию «Домарксистское рабочее движение в США» и получил ученую степень доктора философии.

В 1931 году А. Харнак стал одним из основателей Общества по изучению советского планового хозяйства и организовал в августе 1932 года ознакомительную поездку 24 немецких экономистов и инженеров в СССР.

После прихода к власти Гитлера создал подпольный антифашистский кружок, связанный с Компартией Германии.

С 1935 года А. Харнак в ранге правительственного, а затем старшего правительственного советника занимал ответственные должности в министерстве экономике.

В 1935 году стал вести разведывательную деятельность в пользу Советского Союза. По заданию внешней разведки НКВД в 1937 году вступил в нацистскую партию.

Арестован гестапо 3 сентября 1942 года. 19 декабря того

же года приговорен к смерти через повешение. Спустя три дня казнен в берлинской каторжной тюрьме Плётцензее.

Посмертно награжден орденом Красного Знамени (1969).

Забегая вперед, скажу, что одна из основных причин провалов наших нелегальных резидентур – это нарушение Центром правил безопасности. Сейчас мы понимаем: так поступали вынужденно, как говорится, не от хорошей жизни. Высшее руководство требовало все больше секретных сведений о противнике, развернувшем против нас молниеносную войну, не считаясь с тем, что нелегалам-радистам приходилось буквально часами «висеть» в эфире, передавая растущий поток информации. Но объективно это был подарок немецким контрразведчикам: они успевали точно засечь координаты раций. Наши разведчики видели серьезную для себя опасность, но шли на большой риск, лишь бы своевременно передать в Москву полученную важную информацию. Вольно или невольно они становились своего рода камикадзе.

А теперь надо сказать вот о чем. Накануне войны в результате энергичных кадровых мер удалось направить в разведку НКВД-НКГБ СССР 800 членов партии с высшим и неоконченным высшим образованием. В числе их оказались такие ныне известные выдающиеся разведчики, как генерал-лейтенант Павел Фитин, руководивший внешней разведслужбой с 1939 года; генерал-лейтенант Виталий Павлов, возглавлявший в шестидесятых годах службу нелегальной развед-

ки, а затем занимавший пост заместителя начальника Первого главного управления (внешняя разведка) КГБ СССР; Герой Российской Федерации полковник Александр Феклисов, руководивший в первой половине шестидесятых годов резидентурой в Вашингтоне, а затем американским отделом разведывательного главка; полковник Евгений Кравцов, ставший в начале пятидесятых годов резидентом в Вене, а по возвращении в Москву – начальником немецкого отдела центрального аппарата. Всего за границу для работы, как это называют разведчики, «в поле» направили более двухсот сотрудников в легальные резидентуры.

Не забыли и о маскировке. В 1940–1941 годах увеличилось число ведомств, используемых для прикрытия оперработников внешней разведки. Кроме дипломатических и торговых представительств разведчиков стали посылать в отделения ТАСС, Всесоюзного объединения «Интурист», Всесоюзного общества культурных связей с заграницей. В первую очередь дополнительные оперативные сотрудники были направлены в легальные резидентуры, находившиеся в Великобритании, Соединенных Штатах, Германии, Китае, Иране, Турции, Афганистане, Японии, Болгарии, Польше.

Заметки на полях

Фитин Павел Михайлович (1907–1971). Генерал-лейтенант (1945). Оперативный псевдоним – Виктор.

Родился в селе Ожогино Ялуторского уезда Тобольской

губернии в крестьянской семье. В 1932 году окончил инженерный факультет Московского института механизации и электрификации сельского хозяйства. С октября этого же года – заведующий редакцией издательства «Сельхозгиз». С 1936 года стал заместителем главного редактора этого издательства.

В марте 1938 года был направлен в Центральную школу НКВД. После окончания ускоренных курсов в Школе особого назначения служил в 5-м (разведывательном) отделе ГУГБ НКВД стажером, а в конце 1938 года назначен заместителем начальника этого отдела. С мая 1939 по июнь 1946 года руководил внешней разведкой.

В январе – июне 1941 года направил Сталину свыше ста спецсообщений о подготовке Германии к нападению на Советский Союз.

В годы войны возглавляемое им разведуправление обеспечило руководство СССР информацией о политических и стратегических замыслах Гитлера, сведениями о перспективах открытия Второго фронта нашими западными союзниками, документальными материалами об их послевоенных планах. Большой вклад внес П. Фитин в дело создания в нашей стране атомного оружия.

В конце июня 1946 года П. Фитина неожиданно освободили от занимаемой должности, а в декабре направили заместителем уполномоченного МГБ СССР в Германии. В 1947 году его вновь понизили в должности – назначили замести-

телем начальника управления госбезопасности по Свердловской области. В 1951–1953 годах он – министр госбезопасности Казахской ССР. Затем его вновь перебрасывают в Свердловскую область, а в ноябре 1953 года увольняют из МВД «по неполному служебному соответствию», без пенсии.

С большим трудом П. Фитину удалось устроиться на работу директором фотокомбината Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами.

Награжден двумя орденами Красного Знамени (1940, 1945), орденом Красной Звезды (1943), орденом Республики Тувы (1943).

Павлов Виталий Григорьевич (1914). Генерал-лейтенант.

Родился в Барнауле в семье служащего. После окончания в 1932 году фабрично-заводского училища поступил слесарем на местный паровозоремонтный завод. В 1933 году, завершив учебу на вечернем рабфаке, был принят в Сибирский автодорожный институт в Омске.

В январе 1938 года с последнего курса института направлен на работу в органы государственной безопасности. Окончил трехмесячные курсы в Центральной школе НКВД, затем Школу особого назначения ГУГБ НКВД. Был стажером, оперуполномоченным и заместителем начальника 1-го (американского) отделения 5-го отдела ГУГБ НКВД.

В апреле – июле 1941 года выезжал в краткосрочную командировку в США. Через год направлен в Оттаву резиден-

том, под прикрытием должности первого секретаря полпредства СССР в Канаде. В связи с бегством на Запад в октябре 1945 года шифровальщика резидентуры ГРУ И. Гузенко и начавшейся вслед за этим шумной антисоветской кампанией В. Павлов и еще несколько советских дипломатов были объявлены персонами нон грата и высланы из Канады.

После возвращения в Москву служил начальником отделения в отделе информации ПГУ НКГБ. С августа 1947 года – старший помощник начальника 1-го (американского) отдела 4-го управления Комитета информации (внешняя разведка) при Совете Министров СССР.

В августе 1951 года – начальник этого отдела, а с января 1952 года возглавил 1-й отдел Первого (нелегального) управления ПГУ МГБ СССР. В марте 1953 года управление было ликвидировано, а В. Павлов был назначен заместителем начальника 1-го (американского) отдела Второго главного управления (внешняя разведка) МВД СССР. В 1954 году он становится заместителем, а спустя пять лет – начальником Специального управления (нелегальная разведка) ПГУ КГБ.

В 1961 году В. Павлов стал заместителем начальника всей внешней разведки – Первого главного управления. Он представлял ПГУ в Научно-техническом совете КГБ по оперативной технике и в совете Комитета по пропаганде деятельности органов госбезопасности в средствах массовой информации, литературе и искусстве.

С марта 1966 по октябрь 1970 года – резидент в Вене. По

возвращении в Москву – начальник Краснознаменного института ПГУ.

В 1973 году командирован в Варшаву руководителем представительства КГБ СССР при МВД Польской Народной Республики, где пробыл 11 лет.

С 1984 года был советником при начальнике ПГУ, а в 1987 году ушел в отставку, прослужив в разведке без малого 50 лет.

В 1996 году издал книгу «Операция „Снег“», посвященную своей жизни и работе. В последующие годы вышли четыре другие его книги: «Руководители Польши глазами разведчика», «Сезам, откройся!», «Трагедия советской разведки» и «Женское лицо разведки».

Награжден орденами Ленина, Октябрьской Революции, Красного Знамени, Красной Звезды.

Я хорошо знал Виталия Павлова. Он пришел к нам, в 4-е (нелегальное) управление Комитета информации при Совмине СССР, в 1947 году на должность старшего помощника начальника 1-го (американского) отдела зрелым, с десятилетним стажем, оперативным работником, успевшим побывать в заграничной командировке, да еще на ответственной должности – резидентом в Оттаве. Служба его тут была трудна: резидентура создавалась впервые, и резиденту пришлось начинать с нуля. Но В. Павлов, работая энергично и целеустремленно, успешно решил все проблемы. Командировка

подходила к концу, все складывалось удачно. Однако судьба сыграла с умным, волевым и смелым разведчиком злую шутку. В октябре 1945 года на Запад перебежал с двумя чемоданами, битком набитыми шифрпереписки с московским Центром, шифровальщик оттавской резидентуры Главного разведывательного управления Генштаба Игорь Гузенко. Он выдал агентов советской военной разведки, работавших по атомной программе, – Алана Нун Мэя и еще девять человек. В. Павлову, как старшему должностному лицу, ответственному за контрразведывательное обслуживание советской колонии, пришлось держать ответ за случившийся серьезный провал. Его отозвали в Москву, дали строгий выговор и отправили в «тихую заводь» – информационный отдел, далекий от сложных и опасных оперативных акций.

Два года активный агентурист тянул бюрократическую лямку, обрабатывая горы залежавшихся несрочных материалов за военные годы, пока руководители внешней разведки вновь не обратили на него внимание. В. Павлова назначили, как уже говорилось выше, старшим помощником начальника американского отдела 4-го управления. Он с жаром взялся за новое дело и вскоре добился положительных результатов. Безграничная преданность работе, стремление как можно быстрее и качественнее решать поставленные задачи заслуженно вывели его в руководители внешней разведки. Он стал начальником отдела, затем заместителем начальника нелегального управления, его начальником, а в 1961 году –

заместителем разведывательного главка КГБ. Это был пик его служебной карьеры.

В дальнейшем он занимал менее значительные, но руководящие должности, хотя имел немало недоброжелателей, завистников, недовольных высокими требованиями, которые В. Павлов всегда предъявлял к подчиненным. Были и обиженные его, так сказать, взрывным характером (за шумные «накачки» он получил не особенно приятное прозвище «Пожарник»). А вообще надо признать, что редко кому удавалось прослужить полсотни лет. Много, очень много полезного сделал генерал-лейтенант Виталий Григорьевич Павлов для разведывательного ведомства России.

Феклисов Александр Семенович (1914). Оперативные псевдонимы – Калистрат, Юджин. Ответственный сотрудник внешней разведки КГБ. Полковник. Герой Российской Федерации (1996).

Родился в Москве в семье железнодорожного стрелочника. После окончания железнодорожной школы-семилетки и фабрично-заводского училища, где получил специальность слесаря по ремонту вагонов, в 1930 году поступил на вечерние курсы при Московском институте инженеров связи (МИИС), а затем на дневное отделение радиофакультета этого института.

В июне 1939 года А. Феклисов был направлен на работу в органы государственной безопасности и зачислен в Шко-

лу особого назначения. В октябре 1940 года стал стажером в американском отделении 5-го (разведывательного) отдела ГУГБ НКВД.

С февраля 1941 по октябрь 1946 года – оперативный работник нью-йоркской резидентуры, действовал под фамилией Фомин и под прикрытием должностей стажера, вице-консула и первого секретаря Генерального консульства СССР. За это время от агентуры им были получены ценные сведения в области военной авиации и зарождающейся ракетной техники и электроники.

С августа 1947 по апрель 1950 года – заместитель резидента по линии научно-технической разведки в Лондоне под прикрытием должности второго секретаря посольства СССР в Великобритании. Являлся оператором ценного агента, физика-ядерщика Клауса Фукса, от которого была получена важнейшая информация по атомной тематике, в том числе по устройству водородной бомбы.

С лета 1950 года – заместитель начальника, а затем начальник 2-го (английского) отдела 1-го (американо-английского) управления Комитета информации (внешняя разведка) при Совмине, потом МИД СССР и далее в ПГУ МГБ и ВГУ МВД СССР.

С июня 1953 года – заместитель главного советника МВД-КГБ по разведке при МВД Чехословацкой Социалистической Республики. В декабре 1955 года был назначен начальником американского отдела ПГУ КГБ.

В 1959 году – член специальной группы при Председателе КГБ по обеспечению безопасности визита Н. С. Хрущева в США. Участвовал в визите под прикрытием должности заведующего Протокольным отделом МИДа СССР.

С августа 1960 года резидент внешней разведки в Вашингтоне под прикрытием должности советника посольства СССР.

Во время Карибского кризиса 26–27 октября 1962 года провел ряд встреч с американским журналистом Скали – неофициальным представителем администрации президента США Джона Кеннеди, которые существенно способствовали разрешению кризиса и нормализации отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами.

В 1968 году – заместитель начальника Краснознаменного института КГБ СССР. Защитил докторскую диссертацию.

В 1974 году вышел в отставку, но продолжал работать вольнонаемным научным сотрудником в научно-исследовательском институте ПГУ. С 1986 года на пенсии.

Опубликовал книги воспоминаний «За океаном и на острове» (1994) и «Признание разведчика» (1999).

Награжден орденом Ленина (1949), двумя орденами Трудового Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, тремя орденами «Знак Почета».

Мне не пришлось поработать вместе с Александром Семеновичем во внешней разведке. В сороковых – шестидеся-

тых годах мы действовали в разных направлениях, находились большую часть времени в долгосрочных командировках. Судьба свела нас только в девяностых, когда и он, и я завершили службу в нашем ведомстве.

А. Феклисов одним из первых ветеранов написал свои мемуары. Я узнал об этом и предложил напечатать их в московском издательстве «ДЭМ», организованном в 1988 году мастером политического романа Юлианом Семеновым, где я с 1993 года работал над своей книжной серией «О разведке и шпионаже из первых рук». Феклисов согласился, и я засел за редактирование его рукописи.

Что меня привлекло в авторе, так это неудержимое стремление быть максимально объективным, правдивым, чего не скажешь о большинстве других мемуаристов, с которыми мне довелось столкнуться. Непреклонная гражданская позиция А. Феклисова, стремление не только подчеркнуть успехи советской разведслужбы, но показать ее недостатки, провалы, объяснить их причины и сделать нелицеприятные выводы – цель творчества Героя Российской Федерации. И в этом сказались главные черты его характера: высоко развитое чувство долга перед Отчизной, безграничная преданность делу, которому служишь, глубокое уважение к соратникам, готовность в любой момент прийти к ним на помощь.

Кравцов Евгений Игнатьевич (1913–1974). Полковник. Кандидат военных наук, профессор.

Родился в станице Невинномысской Ставропольского края в семье врача. В 1938 году окончил Ленинградский индустриальный институт и был направлен в органы государственной безопасности. После спецподготовки выезжал в длительные командировки в Латвию и Германию. В берлинской резидентуре до начала Великой Отечественной войны служил под фамилией Ковалев, прикрываясь должностью атташе советского дипломатического представительства. С 1942 по 1945 год – резидент внешней разведки в Турции под прикрытием должности второго секретаря полпредства, а затем посольства СССР.

По возвращении в Москву работал в центральном аппарате внешней разведки. С 1948 года – начальник Высшей разведывательной школы. В 1950 году – резидент в Вене под прикрытием должности заместителя политического советника председателя Союзнической комиссии по Австрии, а с 1952 года – начальник немецкого отдела ПГУ МГБ СССР. Затем на преподавательской работе в Краснознаменном институте КГБ при СМ СССР.

Должен сказать, с Евгением Игнатьевичем было приятно работать. Я тесно контактировал с ним, когда находился в командировке в Австрии с 1949 по конец 1951 года. Он, если не ошибаюсь, в начале 1950 года возглавил легальную резидентуру в Вене, одну из самых крупных загранточек внешней разведки. Я не подчинялся легальному резиденту, так как был начальником автономной разведывательной груп-

пы нелегальной службы, имел свой шифр и связь непосредственно с Центром. Согласно предписанию из Москвы легальный резидент должен был оказывать мне всемерную помощь и содействие в работе нашей группы.

В отличие от предшественника, оставившего свой пост по болезни в конце 1949 года, который довольно прохладно реагировал на мои просьбы, Е. Кравцов сразу же стал оказывать мне необходимую помощь. В результате наша группа смогла достойно и в установленный срок выполнить поставленные перед ней первоначальные задачи и получила более широкий план работы. Особенно это касалось документальных операций и связи с нелегальными разведчиками во всем мире, что затрагивало интересы любых оперативных подразделений внешней разведки.

Работа с выдающимся разведчиком Е. Кравцовым дала мне очень многое. Энергичным, опытнейшим, не боявшимся принять самостоятельное решение и разумно рискнуть руководителем, прекрасным аналитиком и высокоинтеллигентным человеком – таким запомнился мне Евгений Игнатьевич Кравцов.

Возобновление деятельности закордонной агентурной сети и начавшееся пополнение резидентур дополнительным оперативным составом сразу стало приносить ощутимые результаты. Вначале 1939 года советской разведке удалось узнать, что Гитлер подписал директиву о нападении вермах-

та на Польшу (план «Вайсс»). Тогда же в ее руки попали документальные данные о том, что Великобритания и Франция предпринимают усилия, чтобы столкнуть Германию с СССР. Кроме того, разведслужба Кремля получила достоверную информацию о том, что Лондон ведет с Берлином секретные переговоры с целью заключить пакт о сотрудничестве, который гарантировал бы безопасность «владычице морей» в Европе и оставлял бы для Гитлера свободу действий на Востоке (имелась в виду в первую очередь агрессия против Советского Союза, официально объявленного гитлеровским министром пропаганды Йозефом Геббельсом «смертельным врагом Германии»).

Советская разведка нарисовала для руководства СССР точную картину реальной международной обстановки. Это было весьма кстати. Почему? Ведь до сих пор в наших средствах массовой информации, а о западных и говорить нечего, слышны упреки в адрес тогдашних руководителей советского государства Сталина и Молотова в том, что они приняли предложение Гитлера и заключили пакт о ненападении между Советским Союзом и «тысячелетней велико-германской империей» и подписали секретные протоколы к нему о разделе Восточной Европы.

Ставшие ныне известными документы разведки Кремля свидетельствуют: советское руководство приняло единственно правильное решение. Именно такой шаг обеспечивал на некоторое время возможность отодвинуть на запад

огромную фашистскую империю и укрепить безопасность СССР. Это случилось в результате возврата западных районов Украины и Белоруссии, отторгнутых от РСФСР в 1920 году Польшей, и Бессарабии, попавшей после Гражданской войны под пяту Румынии. В 1939 году западные границы российского государства были перенесены на несколько сот километров от жизненно важных промышленных центров страны.

Когда Германия стала перебрасывать свои войска к советской границе – это происходило с июля 1940 по июнь 1941 года, что скрыть было невозможно, – советские разведслужбы – 5-й отдел ГУГБ НКВД, Первое управление НКГБ, Разведуправления Красной армии и Военно-морского флота – направили в ЦК ВКП(б), Совет народных комиссаров, Наркоматы обороны и Военно-морского флота более 120 детальных специальных сообщений о непосредственных военных приготовлениях фашистской Германии к нападению на Советский Союз.

19 мая 1941 года разведслужба Кремля установила, сколько германских дивизий и основных огневых позиций сосредоточено у советской границы. Первые достаточно точные сроки нападения 5-му отделу ГУГБ НКВД удалось получить в октябре 1940 года от нелегального резидента Корсиканца, с которым после длительного перерыва была установлена связь. Он сообщил:

«Гитлер выступит против России весной будущего года».

Если бы Сталин и его присные приняли всерьез это предупреждение, прислушались к предостерегающему голосу нашего верного помощника, наверняка Красная армия по-другому встретила бы фашистский вермахт, опьяненный блистательными победами в Европе и Северной Африке. Немцам не удалось бы устроить летом 1941 года гигантские «котлы», в которых переварились дивизии, армии и целые фронты советских войск.

Пакт о ненападении с фашистской Германией, в результате которого Советский Союз фактически без единого выстрела не только возвратил утерянные в лихолетье Гражданской войны и иностранной интервенции территории, но и приобрел земли, никогда Российской империи не принадлежавшие, ослепил тогдашних хозяев Кремля и притупил их бдительность. Они поверили в свое всемогущество, понадеялись на якобы никогда не подводившую их политическую интуицию и проигнорировали, как следствие этого, убедительную и достаточно точную информацию своей разведки, а также наделали много политических и военно-стратегических ошибок, которых могло бы не быть.

Но не нужно думать, что разведка Кремля шла от одной победы к другой, что ее путь был устлан красными розами. Анализ деятельности советских разведслужб за тридцатые годы, сделанный уже после победы над гитлеровской Германией, свидетельствует, что хотя они в целом справились с задачей выявить подготовку фашистской Германии ко Вто-

рой мировой войне и к нападению на СССР, но допустили немало просчетов, ошибок и провалов. Укажу на некоторые из них:

не сумели заблаговременно добыть информацию о присоединении Австрии к Германии (март 1938 года);

не получили данных о мюнхенском сговоре Германии, Великобритании и Франции (сентябрь 1938 года);

не выяснили, чем он закончится (Чехословакия как государство перестала существовать), хотя для этого имелись неплохие возможности (по секретному договору 1935 года чехословацкие спецслужбы поддерживали контакт с советскими, а начальник разведслужбы Пражского Града Франтишек Моравец находился в агентурных отношениях с внешней разведкой НКВД);

не смогли предупредить советское руководство о наступлении вермахта на Францию и о вводе немецких войск в Бельгию, Голландию и Люксембург (май 1940 года);

не сумели быстро добыть оригинал или копию директивы № 21 о плане «Барбаросса» (декабрь 1940 года);

в январе – июне 1941 года получили много противоречивых сведений о дате нападения Германии на Советский Союз, но не смогли:

1) добыть документальное подтверждение политического решения Гитлера начать агрессию против СССР;

2) разобраться во множестве дезинформационных материалов немецких спецслужб, высшего руководства Герма-

нии и самого фюрера;

3) с августа 1940 по июнь 1941 года не обеспечили надежной радио- и иной связью свои резидентуры на территории собственно Германии и в оккупированных немцами европейских странах.

Главная причина этих и других срывов и неудач теперь полностью ясна: это результат жесточайших репрессий, обрушившихся на оперативный состав и руководителей центрального аппарата разведки, ее легальных и нелегальных резидентур.

В результате тотальной сталинской чистки 1937–1939 годов разведка Кремля потеряла несколько сот наиболее способных и опытных сотрудников. По новому партийному призыву их заменили безграмотные и неопытные оперативники, едва овладевшие азами разведывательного ремесла. Вот почему в канун войны и в первые военные годы в деятельности советских разведслужб, как политической, так и военной, при непредвзятом объективном анализе встречается немало промахов, ошибок и серьезных провалов. Пример тому – трагическая история агентурных сетей в Германии и оккупированных ею европейских странах, созданных внешней (политической) разведслужбой НКВД и Разведуправлением Красной армии в предвоенные годы, которые ныне хорошо известны под кодовым названием гестапо «Красная капелла» или «Красный оркестр».

Почему погибла «Красная капелла»?

Название «Красная капелла» вошло в международный обиход после войны. До этого времени мы его не знали и не пользовались даже в кругах специалистов разведывательного дела. Я впервые пришел в политическую (внешнюю) разведку НКГБ 1 марта 1944 года. Принявший меня на работу начальник 1-го отдела Первого управления ведомства госбезопасности полковник (позднее генерал-майор) Александр Михайлович Коротков направил меня в немецко-австрийское отделение. В своем коротком напутственном наставлении он порекомендовал:

«Внимательно изучите дела-формуляры на Корсиканца-Балтийца и Старшину. Недавно нам стало известно, что фигуранты, с которыми у нас два года не было связи, арестованы гестапо и казнены. В них, этих делах, вы найдете много полезного для себя, что поможет вам быстрее освоить основы профессии разведчика».

Я последовал этой рекомендации. И действительно, внимательное изучение работы этих двух ценнейших агентов помогло мне лучше всякого учебника овладеть разведывательным ремеслом.

«Красная капелла» в наших оперативных делах не встречалась. Оно и понятно: никакой «Красной капеллы» в природе не существовало. Это кодовое название, которое в гит-

леровской военной контрразведке и гестапо дали агентурным сетям НКВД и Разведуправления Красной армии, созданным в Германии, а также во Франции, Бельгии, Голландии, Чехословакии, оккупированных вермахтом. Резидентуре Доры в Швейцарии, подчинявшейся советской военной разведке, в немецкой службе контршпионажа дали другое кодовое название – «Красная тройка», потому что эта разведточка использовала для связи с Центром три радиопередатчика.

Эти названия прочно прилипли к резидентурам двух главных советских разведслужб, так как немцы не стали тратить время на то, чтобы узнать, кому принадлежат провалившиеся советские шпионские организации – Центру на Лубянке или на Знаменке. Главное, эти подпольные рации надо было как можно скорее уничтожить.

Заметки на полях

Коротков Александр Михайлович (1909–1961). Оперативные псевдонимы – Длинный, Крит, Степанов, Александр Эрдберг. Генерал-майор (1956).

Родился в Москве в семье банковского служащего. В 1927 году окончил среднюю школу. Затем работал подручным электромонтера. Через год был принят в ОГПУ в качестве монтера по лифтам хозотдела этой организации.

В начале 1933 года был рекомендован на работу в Иностранный отдел ОГПУ и в том же году по линии нелегаль-

ной разведки направлен в Париж. Он вошел в состав оперативной группы «Экспресс», задачей которой была разработка Второго бюро (разведка) Генерального штаба, проведение вербовок среди его сотрудников. Выдавая себя за австрийца чешского происхождения Районецкого, А. Коротков поступил в Сорбонну на курс антропологии. Одновременно записался в школу радиоинженеров. Однако вскоре он попал в поле зрения французской контрразведки. Чтобы избежать провала, был временно выведен в Германию, а оттуда в СССР.

С 1935 года – уполномоченный 7-го отделения ИНО ГУГБ НКВД.

В апреле 1936 года под прикрытием должности представителя Народного комиссариата тяжелой промышленности при торгпредстве СССР в Германии направлен в долгосрочную командировку в Берлин. Принял там на связь нескольких ценных агентов. В декабре 1937 года получил задание выехать во Францию для нелегальной работы. Там А. Коротков возглавил группу, созданную для ликвидации нескольких предателей.

В 1936 году его отозвали в Москву и зачислили в резерв назначения. Через год уволили из органов НКВД. Однако он отправил новому наркому внутренних дел Л. П. Берии личное письмо, где доказал, что его увольнение является ошибкой. Грозный нарком быстро отреагировал на такой экстраординарный шаг и восстановил разведчика на работе.

С апреля 1939 года А. Коротков стал старшим оперуполномоченным, а с мая того же года – заместителем начальника 1-го (немецкого) отделения 5-го отдела ГУГБ НКВД.

В августе 1940 года А. Короткова направляют в Берлин в качестве заместителя легальной резидентуры под прикрытием должности третьего секретаря полпредства СССР в Германии. Он активизировал связи с такими ценными агентами, как Брайтенбах, ответственным сотрудником гестапо, резидентами Корсиканцем и Старшиной и некоторыми членами из их резидентуры. От них была получена наиболее важная информация о подготовке Германии к нападению на Советский Союз.

В первые дни войны, когда здание полпредства в Берлине было оцеплено гестаповцами, А. Коротков, рискуя жизнью, сумел несколько раз выехать в город для встреч с агентами, постановки перед ними новых задач и передачи им радиостанций, чтобы обеспечить бесперебойную связь с Центром. Вскоре в числе интернированных сотрудников полпредства СССР в Германии он вернулся в Москву.

С августа 1941 года он – заместитель начальника, а с октября того же года – начальник 1-го отдела (разведка в Германии и на оккупированных ею территориях) НКВД СССР.

В 1943–1944 годах выезжал в Иран и дважды в Афганистан для выполнения специальных заданий по ликвидации германской агентуры в этих странах, действуя под фамилией полковника Михайлова.

С октября 1945-го по январь 1946 года – резидент объединенной резидентуры внешней разведки в Германии под прикрытием должности заместителя политического советника при главноначальствующем Советской военной администрации.

В мае 1946 года А. Коротков стал начальником управления 1Б (нелегальная разведка) и заместителем начальника Первого главного управления МГБ СССР. С мая 1947 года он – начальник 4-го управления (нелегальная разведка) Комитета информации при Совете Министров СССР, а с мая 1949 года одновременно член этого комитета. С сентября 1951 года – заместитель начальника Бюро № 1 МГБ СССР по разведке и диверсиям за границей, а в ноябре 1952 года становится заместителем начальника ПГУ МГБ СССР и начальником управления «С» (нелегальная разведка). С марта 1953 года – заместитель начальника, а с 28 мая того же года – и. о. начальника Второго главного управления (внешняя разведка) МВД СССР. С 17 июля 1953 года – начальник отдела нелегальной разведки ВГУ. В марте 1954 года А. Коротков становится и. о. начальника управления нелегальной разведки и врио заместителя начальника ПГУ, а с сентября 1955 года – начальником этого управления и заместителем начальника ПГУ.

В ноябре 1956 года был направлен в Венгрию в качестве заместителя начальника опергруппы КГБ И. Серова. Участвовал в специальных мероприятиях по подавлению восста-

ния в этой стране, задержанию активных повстанцев и изъятию оружия у населения, а также в захвате и выводе в Румынию бывшего премьер-министра Венгрии Имре Надя.

С 23 марта 1957 года – уполномоченный КГБ по координации и связи с МГБ и МВД ГДР.

В середине июня 1961 года А. Коротков был вызван в Москву. 27 июня на теннисном корте московского комплекса «Динамо» во время игры скончался от разрыва аорты.

Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Награжден орденом Ленина, шестью орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, двумя орденами Красной Звезды, государственными наградами ЧССР, Югославии, Польши и ГДР.

Хочу добавить кое-что от себя об Александре Михайловиче Короткове. Я многим обязан этому выдающемуся разведчику. В феврале 1944 года он сумел разглядеть что-то такое во мне, рядовом опере военной контрразведки «Смерш» («Смерть шпионам» – под таким названием это ведомство просуществовало с апреля 1943 по май 1946 года в составе Наркомата обороны, затем влилось в Министерство государственной безопасности), чего, замечу, я и сам не знал, – потенциального разведчика. И взял меня на службу в свой отдел. Поэтому я с полным правом могу считать себя его крестником.

Восемь лет, до середины 1953 года, мне довелось служить

под началом А. Короткова. За сравнительно небольшой срок он дал мне возможность вырасти до начальника отдела. Это случилось потому, что Александр Михайлович щедро делился со мной своим многогранным разведывательным опытом.

И я – не исключение. Так он поступал со всеми молодыми оперативными сотрудниками, которые ставили дело выше всего, работали не за страх, а за совесть, проявляли инициативу и не страшились разумно рискнуть.

Именно такими качествами обладал он сам в высшей степени. Я не встречал ни одного разведчика, которому бы удавалось так быстро и умело решать сложнейшие оперативные задачи.

Честно говоря, начальником внешней разведки должен был бы стать А. Коротков. И дело наше, и люди только от этого выиграли бы. Собственно, он возглавил разведглавк в марте 1953 года, когда Л. Берия пришел в Министерство внутренних дел. Но судьба играет злые шутки. Александр Михайлович пробыл начальником разведывательного главка только до июля 1953 года, каких-нибудь три месяца, а после известного «бериевского дела» его сняли с этой высокой должности и сделали начальником нелегального отдела.

Правда, в опале А. Коротков находился недолго. Через год он снова стал заместителем начальника разведглавка и начальником нелегального управления. Но руль внешней разведки ему больше не доверяли.

Александр Михайлович рано ушел из жизни, можно сказать, в расцвете деловых и творческих сил, полный новых планов и задумок. К слову сказать, как-то странно выглядит судьба самой внешней разведки. Складывалось почему-то так, что самое продолжительное время, лет по 15–16, командовали люди, не прошедшие горнила разведывательного дела, не потрудившиеся в закордонных резидентурах, такие как, скажем, В. А. Крючков (1974–1988). Уж не потому ли в период их правления разведслужба пережила наибольшее количество крупных провалов (взять хотя бы случаи, связанные с изменой оперативных работников, перебегавших на сторону противника)?

В заключение еще раз повторю: Служба внешней разведки сильно выиграла бы от того, если бы ее возглавил такой великий мастер разведывательного дела, как генерал-майор А. Коротков.

Леман Вилли (1884–1942). Оперативные псевдонимы – А/201, Брайтенбах. Ценный агент советской внешней разведки.

Родился в Лейпциге в семье учителя. С семнадцати лет добровольно пошел служить на военно-морской флот. В 1911 году уволился в звании старшины, поступил в берлинскую полицию. Начал рядовым сотрудником, но скоро был переведен в контрразведывательный отдел при полицей-президиуме Берлина.

В 1929 году начал работать на советскую внешнюю разведку. После прихода к власти фашистов его отдел влился во вновь образованную государственную тайную полицию (гестапо). С этого времени Брайтенбах начал давать в Центр ценную информацию, предупреждая берлинскую резидентуру об акциях против германских коммунистов и деятелей рабочего движения, сотрудников советских организаций в Германии. Он успешно продвигался по службе в гестапо, получил звание гауптштурмфюрера СС и занял должность заместителя начальника отдела.

В 1939 году связь с Брайтенбахом была утеряна из-за «великой чистки», проводившейся в Центре, и возобновлена лишь в конце 1940 года. В начале 1941 года он неоднократно информировал берлинскую резидентуру о приготовлениях гитлеровцев к нападению на СССР.

Последняя встреча с ним состоялась 19 июня 1941 года, на которой он сообщил, что войсками получен приказ начать военные действия против СССР 22 июня после трех часов утра.

О судьбе его долго не было известно. Лишь сразу после войны документально установлено, что его в декабре 1942 года без суда и следствия расстреляли в подвалах гестапо. Выдал его связник Центра, заброшенный в Германию и попавший в руки германской контрразведки.

Крючков Владимир Александрович (1924). Один из руководителей советских органов безопасности. Генерал армии

(1988).

Родился в Царицыне (Сталинград, Волгоград) в рабочей семье. В годы Великой Отечественной войны разметчик на оборонном заводе, затем перешел на освобожденную комсомольскую работу. Из комсомола был направлен в органы прокуратуры, где прослужил пять лет на разных должностях.

В 1949 году окончил Всесоюзный заочный юридический институт. Через два года его послали на учебу в Высшую дипломатическую школу МИД СССР. С 1954 года – сотрудник этого министерства. В 1955 году направлен на работу в посольство СССР в Венгрии (пресс-атташе, третий секретарь). В 1959–1967 годах – референт, заведующий сектором, помощник секретаря ЦК КПСС Ю. Андропова.

1967–1971 годы – помощник Председателя КГБ и начальник секретариата КГБ. 1971–1974 годы – первый заместитель начальника ПГУ КГБ. С ноября 1974 года – начальник этого главка внешней разведки. С 1978 года одновременно – заместитель Председателя КГБ. В 1986 году – член ЦК КПСС. С октября 1988 по август 1991 года – Председатель КГБ СССР. В сентябре 1989 года стал членом Политбюро ЦК КПСС.

В августе 1991 года за участие в ГКЧП был арестован новой демократической властью и находился в Лефортовской тюрьме. Его обвинили по статьям 64 (измена Родине) и 260 (злоупотребление властью) УК РСФСР, но следствие не сумело справиться со своей задачей. В результате подсудимый

в феврале 1994 года был освобожден по амнистии.

С октября 1994 года на пенсии. Автор книги воспоминаний «Личное дело».

Награжден двумя орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Красного Знамени, двумя орденами Трудового Красного Знамени.

Названия советских агентурных сетей ввели в оборот средств массовой информации сразу после войны сами битые немецкие ловцы шпионов. И первым это сделал бывший начальник радиоконтрразведки, скрывшийся под псевдонимом В. Ф. Флике. В 1946 году в издательстве «Нептун» (Кройцлинг) вышли в свет его книги «Шпионская группа „Красная капелла“» и «Агенты радируют в Москву. Радиорезидентура „Красная тройка“».

Немецкие контрразведчики не случайно избрали такие названия. На их жаргоне нелегальный радист – «музыкант» или «пианист». А в первые дни после нападения гитлеровского вермахта на Советский Союз немцы зафиксировали появление в эфире нескольких подпольных радиопередатчиков, которые поддерживали связь с Москвой. Значит, вступил в дело целый «оркестр» или «капелла», и не чьи-нибудь, а советские, красные. Значит, «Красная капелла».

Кому принадлежали энергично стучавшие на своих радиоинструментах «пианисты» – Разведуправлению Красной армии или внешней разведке НКГБ СССР, – это немецких контрразведчиков пока не занимало. Главная задача для

них: крайне необходимо точно запеленговать радиостанции и заставить их замолчать.

В Главном управлении имперской безопасности была создана особая комиссия «Красная капелла» для борьбы с этой организацией. Ее руководитель (поначалу это был криминальный советник Гиринг, а потом оберфюрер СС Панцингер) получил высокий пост заместителя начальника гестапо Генриха Мюллера.

Так и прилипло гестаповское название «Красная капелла» к агентурным сетям советских разведслужб, действовавшим до войны и в первые военные годы в сердце гитлеровской империи и в ряде европейских стран, оккупированных вермахтом. И никто не задумывается, что на самом деле не было такой разведывательной организации, схемы которой с немецкой педантичностью изображены в делах специальной комиссии, получившей то же название.

Составленное из лучших контрразведчиков гестапо и абвера, это подразделение действовало в Брюсселе и Париже и замыкалось в Берлине на начальнике Главного управления имперской безопасности обергруппенфюрере СС и генерале полиции Райнхарде Гейдрихе и шефе управления военной разведки и контрразведки адмирале Вильгельме Канарисе.

Какие же советские разведывательные структуры попали в разработку немецкой контрразведки и были ликвидированы в 1941–1942 годах?

1) Берлинская резидентура НКВД-НКГБ, которую воз-

главляли Арвид Харнак (Корсиканец-Балтиец) и Харро Шульце-Бойзен (Старшина).

2) Берлинская резидентура Разведуправления Красной армии, руководимая Ильзе Штёбе (Альта).

3) Парижская резидентура Разведуправления Красной армии, деятельность которой направлял Леопольд Треппер (Отто, Большой Шеф).

4) Агентурная группа Разведуправления Красной армии в Париже, которой руководил Вольдемар Озолс (Золя).

5) Агентурная группа Разведуправления Красной армии в Париже, которая замыкалась на Анри Робинсоне (Гарри).

6) Брюссельская резидентура Разведуправления Красной армии. До декабря 1941 года ею командовал Леопольд Треппер, а затем Анатолий Гуревич (Кент).

7) Брюссельская резидентура Разведуправления Красной армии, которую возглавлял Константин Ефремов (Паскаль). Он, как и А. Гуревич, был кадровым командиром советских вооруженных сил.

8) Оперативная группа Разведуправления Красной армии в Марселе. После провала в декабре 1941 года брюссельской резидентуры она находилась в ведении А. Гуревича.

9) Амстердамская резидентура Разведуправления Красной армии. Ею руководил Антон Винтеринк (Тино).

10) Брюссельская резидентура Разведуправления Красной армии во главе с Иоганном Венцелем (Герман).

11) Оперативная группа Разведуправления Красной ар-

мии в Лилле. Ее возглавлял Исидор Шпрингер (Ромео).

Иногда к «Красной капелле» относят резидентуру Разведуправления Красной армии в нейтральной Швейцарии во главе с Шандором Радо (Дора). Это неверно. Если уж придерживаться гестаповской версии, то эта резидентура получила кодовое название «Красная тройка». Немецкие контрразведчики разрабатывали ее отдельно от «Красной капеллы» и продержалась она, по крайней мере, месяцев на двенадцать – четырнадцать дольше.

О масштабах деятельности агентурных сетей советской разведки в Германии и других странах Западной Европы после начала Великой Отечественной войны ярко свидетельствует тот факт, что гитлеровской контрразведке в 1941–1943 годах удалось захватить по меньшей мере восемь радиопередатчиков «Красной капеллы», шесть из которых были использованы для радиоигры с московским Центром. В 1943 году швейцарские контрразведчики в сотрудничестве с гестапо вывели из строя три радиоточки «Красной тройки».

Еще более впечатляет численность агентурных сетей внешней разведки НКВД-НКГБ и Разведуправления Красной армии, объединенных гестаповцами и абверовцами в шпионскую организацию «Красная капелла». По этому делу они арестовали более ста человек, сорок восемь из них казнили. В процессе ликвидации советской разведывательной сети в Бельгии, Голландии и во Франции в застенки гестапо попало тоже не меньшее число патриотов, работавших на

разведслужбу Кремля.

Источники внешней разведки НКВД-НКГБ и Разведуправления Красной армии имелись фактически во всех главных министерствах и ведомствах гитлеровской империи, в органах военной администрации на оккупированной территории, спецслужбах, управлении железными дорогами, Верховном командовании вермахта, генеральном штабе сухопутных войск, главном штабе ВВС, на крупных военных предприятиях, в банках и союзах предпринимателей, в руководящих органах нацистской партии.

Проиллюстрируем это схемой агентурных связей резидентуры Корсиканца-Старшины из литерного дела «Красная капелла», заведенного в IV управлении (гестапо) Главного управления имперской безопасности.

В центре схемы фамилии руководителей резидентуры внешней разведки НКВД-НКГБ доктора юридических и философских наук Арвида Харнака и старшего лейтенанта ВВС Харро Шульце-Бойзена, а также Рудольфа фон Шелиа, видного немецкого дипломата, ответственного сотрудника министерства иностранных дел. На самом деле он являлся главным источником берлинской резидентуры Разведуправления Красной армии, которую возглавляла Ильзе Штёбе. Этот пример наглядно подтверждает тот факт, что гестаповцы считали резидентуры А. Харнака – Х. Шульце-Бойзена и И. Штёбе одной шпионской организацией.

От этого круга отходит много стрелок (читаем справа на-

лево) к министерствам иностранных дел, экономики, имперскому бюро труда, университету, политическому комитету НСДАП, министерству пропаганды, сброшенным на парашютах агентам из Москвы, городскому управлению Берлина, управлению имперских железных дорог, управлению имперской почты, отдельным армейским подразделениям, Верховному командованию ВМФ, Верховному командованию сухопутных войск, Управлению военной разведки и контрразведки, Верховному командованию вермахта, министерству ВВС.

Подобные многочисленные важные связи имелись и у резидентур Разведуправления Красной армии во Франции, Бельгии, Голландии. Глубокий тыл гитлеровского вермахта оказался опутанным плотной агентурной сетью советских разведслужб.

Заметки на полях

Штёбе Ильзе (1911–1942). Оперативный псевдоним – Альта.

Родилась в Берлине в рабочей семье. Работала собственным корреспондентом газеты «Берлинер тагеблатт» в Чехословакии, затем в Польше. В 1928 году познакомилась с агентом Разведуправления Красной армии Рудольфом Герштадтом, работавшим в Варшаве собственным корреспондентом одной из берлинских газет. Через год была привлечена им к работе на советскую военную разведку.

В 1936 году стала нелегальным резидентом в Берлине. Во время «большой чистки» советских разведывательных органов связь с ней была потеряна и восстановлена в августе 1939 года.

В марте 1940 года была принята на работу в пресс-службу МИДа Германии. Поддерживала постоянную связь с ценным агентом, занимавшим ответственный пост в этом ведомстве, Рудольфом фон Шелиа. Получаемую от него важную информацию вплоть до своего ареста 12 сентября 1942 года регулярно передавала в Центр.

В гестапо подверглась жестоким пыткам, но не выдала ни одного члена своей резидентуры. 21 декабря 1942 года была приговорен к смертной казни на гильотине.

Озолс Вольдемар (1884–1949). Оперативный псевдоним – Золя.

Родился в Выдрее под Витебском, в семье рабочего. Профессиональный военный. В 1904 году окончил Виленское пехотное училище, а в 1912 году Николаевскую военную академию в Санкт-Петербурге.

Во время Первой мировой войны проявил себя храбрым и инициативным офицером. Участвовал в боях на Кавказском и Западном фронтах. В 1916 году, после завершения формирования латышских частей, его назначают начальником штаба 2-й латышской стрелковой дивизии.

После Февральской революции В. Озолса избирают пред-

седателем Исполнительного комитета съезда латышских стрелков. Когда произошла Октябрьская революция, он встал на сторону большевиков.

В конце 1918 года его направляют в Латвию для организации партизанского движения. Но там он попадает в тюрьму как «красный шпион». Заключение длится недолго, его высылают из Латвии. Однако летом 1919 года он возвращается обратно, и вскоре его назначают начальником оперативного отдела генштаба латвийской армии. В последующие годы В. Озолс играл видную роль в политической жизни Латвии, являлся одним из руководителей оппозиционного к правительству «Рабочего союза».

В конце двадцатых годов Озолс впервые установил контакт с советской военной разведкой. В мае 1934 года он был арестован, а через год выслан из Латвии и обосновался в Литве.

В 1936 году после начала гражданской войны в Испании республиканское правительство пригласило В. Озолса в испанскую армию. Там он в звании генерала служил в Штабе интербригад. После поражения республиканцев выехал во Францию. Здесь его застает известие о вхождении Латвии в состав СССР. Он обращается в советское полпредство с просьбой о возвращении на родину, но советский военный атташе предлагает ему служить Отчизне за границей в ином качестве. В. Озолс соглашается и становится нелегальным резидентом оперативной группы Разведуправления Красной

армии во Франции.

В июне 1941 года ему передали радиоаппаратуру для связи с Центром, но освоить ее он не успел. После нападения фашистской Германии на СССР его связь с Москвой прервалась на два года.

Лишь в августе 1943 года В. Озолс установил связь с А. Гуревичем, который в это время, будучи арестованным гестапо, вел на стороне немцев радиоигру с Центром. Видимо, опасаясь нанести ущерб этой сложной и запутанной игре, немецкие контрразведчики не тронули никого из группы Озолса и его самого.

После освобождения Франции Золя был арестован французской контрразведкой по обвинению в шпионаже, но по требованию советской военной миссии во Франции был освобожден и до мая 1945 года оставался в Париже, работая в советском торгпредстве.

Затем В. Озолс вернулся в Ригу и работал доцентом в Латвийском государственном университете, где преподавал военную географию и геодезию.

Робинсон Генри (1897–1944). Настоящее имя Шнее Арнольд. Оперативные псевдонимы – Гарри, Анри.

Родился в Брюсселе. Позднее переехал во Францию, получил французское гражданство. В 1920 году вступил во французскую компартию. Изучал юриспруденцию в Цюрихском университете, свободно владел французским, немецким, ан-

глийским, итальянским и русским языками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.